

РОЗДІЛ 3

КУЛЬТУРОЛОГІЯ

УДК 7.067:726.825.8

Елена БЕСЕДИНА, Татьяна БУРКОВА

РЕАЛИЗАЦИЯ КОММЕМОРАТИВНОЙ И ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНОЙ ФУНКЦИЙ МЕМОРИАЛЬНЫХ ДОСОК В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

На основе изучения феномена мемориальных досок как знаков исторической памяти авторы показывают основные тенденции их развития на рубеже XX–XXI веков, анализируют главные направления политики государства и его субъектов, а также проявления общественной инициативы в деле мемориализации исторического прошлого.

Ключевые слова: *коммеморация, коммуникация, мемориальные доски, историко-мемориальная (коммеморативная) функция мемориальных досок, информационно-коммуникативная функция мемориальных досок, коммеморативная политика Российского правительства, общественные инициативы.*

Постановка проблемы. Среди феноменов культуры и исторических источников важную роль играют мемориальные доски, которые способствуют увековечению памяти государственных, общественных и культурных деятелей, сделавших значительный вклад в историческое развитие государства. Изучение этих памятников способствует анализу главных направлений политики государства и его субъектов, а также проявлению общественной инициативы в деле мемориализации исторического прошлого. Все это показывает. Что мемориальные доски выполняют важные функции в деле воспитания, информационного обеспечения, познания и т.п.

Анализ актуальных исследований. Вопросы теории и практики коммеморации (культуры намеренного увековечения) стали в последние десятилетия актуальным направлением общественных и гуманитарных наук. По вполне понятным причинам гораздо глубже проблематика memory studies разработана европейскими и североамериканскими учеными, к числу которых относятся М. Хальбвакс [27], Я. Зерубавель [12],

Я. Ассман [2], П. Нора [17], Ф. Йейтс [14], П. Х. Хаттон [28], П. Рикёр [22] и др. Российские культурологи, историки, филологи, философы, включившиеся в исследовательский процесс данной проблемы позже, также сумели сделать немало. Примером тому служат работы Ю. М. Лотмана [16], Л. П. Репиной [19; 20; 21], А. В. Святославского [23], [24]. Д. А. Аникина [1], Е. В. Быковой [5; 6; 7], А. В. Дахина [8; 9; 10], Б. В. Дубина [11], И. И. Куриллы [15] и др.

Целью статьи является изучение основных тенденций развития феномена мемориальных досок как знаков исторической памяти в конце XX – начале XXI веков.

Изложение основного материала. Под коммеморативными практиками понимается “особый вид социокультурной деятельности, в основе которой лежит акт увековечения как попытка сохранения образа себя, своих ближних, своей культуры в настоящем и в будущем” [24, с. 5]. По мнению А. В. Святославского, область коммеморации в совокупности содержательного (кто, когда, кому и чему, с какой целью ставил памятники, давал памятные наименования, вводил памятные даты и т.д.) и формального (какими средствами пользовались при этом) аспектов может стать одним из наиболее адекватных показателей мировоззренческих особенностей той или иной культуры [23, с. 4]. Следовательно, коммеморация, которая никогда не оставалась вне сферы внимания государства и общества, особое значение приобретает в условиях меняющегося политического и социально-экономического пространства, когда идеологические концепции и мировоззренческие установки приобретают огромное значение для поддержания стабильности социума. Для анализа коммеморативной деятельности государства и общества исследователи активно пользуются термином “политика памяти”, которая “представляет собой целенаправленную деятельность по репрезентации определенного образа прошлого, востребованного в современном политическом контексте, посредством различных вербальных и визуальных средств” [1, с. 123]. Нельзя не согласиться с мнением Д. А. Аникина о том, что “социокультурное пространство современной России демонстрирует целый набор практик актуализации политики памяти, которые представляется логичным рассматривать системно и взаимосвязано” [1, с. 123].

Мемориальные доски, наравне с архитектурно-скульптурными мемориальными сооружениями, памятными знаками, памятными престолами, храмами, часовнями, некрополями, музеями, мемориальными комплексами, представляют собой знаки намеренного увековечения, а значит, в рамках *memory studies* есть место исследованию и этого культурно-исторического феномена, и всего комплекса связанных с ним проблем. Вследствие объективной “простоты” своей формы эти

знаки исторической памяти являются одной из самых массовых практик коммеморации.

Одним из направлений в изучении мемориальных досок является рассмотрение функций этих коммеморативных знаков. Таких функций можно выделить три: историко-мемориальную или коммеморативную, художественно-эстетическую и, наконец, информационно-коммуникативную. Разговор о художественно-эстетической функции выходит за рамки темы данной статьи (более подробно о художественно-эстетической функции: [3, с. 66–67; 4, с. 50–67]), поэтому ограничимся краткими пояснениями относительно коммеморативной и информационно-коммуникативной функций.

Благодаря коммеморативной (историко-мемориальной) функции мемориальных досок новые и новые поколения людей получают возможность наглядно, гораздо ярче и “объемнее” представить себе ту или иную страницу нашего прошлого через содержание события или строку биографии исторического деятеля. “Мемориальные доски представляют собой краткую летопись истории страны, поэтому являются по своему функциональному назначению идеологически нагруженными памятниками архитектуры, которым всегда и во все времена придавалась особая функция идеологического воздействия” [6, с. 14].

Информационно-коммуникативная функция мемориальных досок тесно связана как с коммеморативной, так и с художественно-эстетической функцией. Отличительной чертой этой функции является то, что она обладает своеобразным “временным” потенциалом, который с течением времени может оказаться исчерпанным. Так, тексты мемориальных досок рубежа XIX–XX вв. бывали зачастую слишком лаконичны и включали лишь информацию об имени, датах рождения и кончине человека, не всегда – о местах его рождения и смерти и времени проживания именно по данному адресу.

Примером такого лаконизма может служить доска, установленная в 1913 году в Петербурге, на фасаде дома № 16 по Ковенскому переулку: “Здесь жила и скончалась Анна Павловна Философова”. Это первая мемориальная доска Петербурга, запечатлевшая память о женщине, которая была “общепризнанным вождем женского движения в России” [25]. Сегодня, спустя столетие после установки, эта доска “молчит” для большинства зрителей, исключение из которых составляет только узкий круг специалистов.

Среди современных мемориальных досок также можно найти примеры проявления информационно-коммуникативной функции, наделяющей эти знаки коммеморации латентным смыслом. Дом № 8 по Малой Посадской улице в том же Петербурге горожане называют Писательским, поскольку это жилой дом Литературного фонда, а многие

его квартиранты – Л. Пантелеев, Л. Раковский, С. Орлов, М. Дудин, И. Груздев, А. Дымшиц – известны далеко за пределами города на Неве. В 1997 г., в дополнение к установленным ранее на фасадах дома доскам в память о С. Орлове и М. Дудине, была размещена мемориальная доска, посвященная Е. Л. Шварцу, жившему здесь в 1955–1958 гг. (арх. Г. А. Бекаревич, ск. П. П. Игнатъев, С. П. Шевченко).

Художественное решение доски позволяет отнести ее к разряду самых интересных в Петербурге: ее верхнюю часть венчает скульптурная композиция, которая состоит из полузакрытого театрального занавеса (его, однако, можно трактовать и как язык пламени, и как скомканный лист рукописи) и фигурки, напоминающей персонажа “Тени”. Можно даже согласиться с основным текстом доски – “Доброму сказочнику Евгению Шварцу, жившему в этом доме”, учитывая, что память о деятелях литературы живет в обществе, как правило, дольше, нежели память об общественных деятелях. К сожалению, необходимо признать, что одна из самых знаменитых фраз, приписываемых Е. Шварцу, также размещенная на доске: “У нас такие тайны – обхохочешься”, – через несколько десятилетий перестанет восприниматься как коммуникативный знак, передающий, пусть и намеком, информацию об особенностях жизни советского общества в XX веке. Для адекватного восприятия этой фразы молодому поколению уже сейчас требуются дополнительные объяснения.

Рассматривая особенности информационно-коммуникативной функции мемориальных досок, филологи небезосновательно используют для характеристики текста доски понятие модуля, которое сегодня становится “своего рода концептом, символом эстетики технократического общества, своеобразной целостной формой представления знаний, формой мышления” [7, с. 38].

В 2010 г. на фасаде одного из зданий Тверского государственного университета была открыта памятная доска, посвященная В. М. Брадису, педагогу-математику, почти полвека проработавшему в этом учебном заведении. Имя В. М. Брадиса хорошо известно многим поколениям учащихся. Составленные им в начале 1920-х гг. и многократно переиздававшиеся “Четырехзначные математические таблицы” стали необходимым атрибутом изучения математики. Парадоксально, но в общественном сознании имя этого ученого оказалось “привязано” к его “...таблицам” так плотно, что в значительной мере воспринимается не как имя собственное, а как нарицательное. Разрушить этот миф и помогает содержание мемориальной доски, текстовый модуль которой дополняется графическим изображением контура таблиц. Таким образом, знакомый с детства школьный символ связывается с личностью

выдающегося ученого, а посвященная ему мемориальная доска становится тем способом коммуникации, который, по словам Б. А. Успенского, может установить с массовым зрителем “живую связь, прямо... безошибочно и заразительно передать ему свой рассказ” [26, с. 293].

Неотъемлемыми характеристиками исторической памяти являются ее актуальность и избирательность. Под этими свойствами понимается то, что “высвеченные” исторической памятью события во многом обуславливаются постоянно меняющимся настоящим, интересами текущего момента. Историки солидарны в том, что, по словам А. Мегилла, память является “образом прошлого, субъективно сконструированного в настоящем” [18, с. 8].

Различные формы коммеморации, по заключению Д. Симпсона, позволяют поместить то или иное историческое событие или личность в поле официального дискурса [35].

Таким образом, политика памяти может использоваться в качестве инструмента социального управления. У власти “возникает возможность осуществления политических стратегий по отношению к сознанию граждан посредством актуализации тех или иных образов прошлого, их включения в повседневные практики горожан” [1, с. 124].

Последние десятилетия XX – начала XXI века отличаются расширением поля исторической памяти, появлением огромного количества как новых, так и забытых старых событий и имен (объектов коммеморации), справедливо ждущих своего увековечивания. Этот процесс был воспринят государством, которое, активизировав проводимую им политику памяти, разработало необходимую правовую базу и механизмы, вводящие объекты коммеморации в контекст официального дискурса.

К актуальным направлениям коммеморации можно отнести открытие мемориальных досок, посвященных государственным и общественным деятелям, в том числе, советского периода, представителям науки, литературы и искусства, героям и событиям Великой Отечественной войны.

Например, благодаря мемориальным доскам открываются малоизвестные страницы войны. Только в конце 1980-х гг. на здании Тюменской сельскохозяйственной академии появилась скромная мемориальная доска, напоминающая, что в этом здании с июля 1941 г. по март 1945 г. сохранялось эвакуированное из Мавзолея тело В. И. Ленина [13, с. 302]. В 2012 г. в Севастополе была установлена мемориальная доска в честь учителей и учащихся периода обороны города 1941–1942 гг. Местом для нее был выбран дом, в подвале которого размещалась одна из 9-ти “подземных” севастопольских школ [30].

В настоящее время возрождается традиция участия в процессе мемориализации общественных организаций, фондов, просто активистов и энтузиастов.

Так, в 2009 г. международным историко-просветительским и правозащитным обществом "Мемориал" совместно с региональной общественной организацией "Историко-просветительское, правозащитное и благотворительное общество "Московский Мемориал", при поддержке немецкого фонда "Erinnerung. Verantwortung. Zukunft" ("Память. Ответственность. Будущее"), был запущен проект "Уроки истории. XX век". Созданный ресурс посвящен вопросам изучения и преподавания отечественной истории, ее отражения в культуре и СМИ, профессиональным и общественным дискуссиям о прошлом и настоящем [33]. Обсуждение проблемы исторической памяти и коммеморации также находят свое отражение на страницах данного сайта в рамках проведения "Мониторинга исторической политики", призванного "проследить, какие силы в современной России оказывают влияние или претендуют на формирование коллективных представлений о прошлом, оценить репертуар их возможностей и средств, выявить, какие исторические периоды и сюжеты востребованы сегодня, а также какой образ прошлого наиболее актуален в современном российском контексте" [33].

Мемориальные доски, "проговаривающие" некоторые сообщения о прошлом, стали одной из важнейших тем ежедневного мониторинга. Поскольку установка этих памятных знаков регламентируется законодательно, то, тем самым, "высказывание наделяется статусом конечного, объективного, верного высказывания о прошлом". В этом случае в тексте мемориальных досок возможны, по мнению аналитиков сайта, и "умолчания, пробелы в высказываниях", и "конкуренция формулировок", и "точечные внеконтекстуальные высказывания", когда невозможно точно определить исторический повод установки мемориального знака. Несогласие общественности с формулировками о прошлом подчас вызывает акционную активность, формируя вокруг мемориальных досок "поля напряжения" [33].

Так, принятое в 2011 г. и спорное с точки зрения многих петербуржцев решение властей разместить мемориальную доску в память о первом секретаре Ленинградского обкома КПСС Г. В. Романове на фасаде дома, где он жил, вызвало своеобразную форму общественного протеста – чтение около доски стихов И. Бродского – поэта, главным гонителем которого, как считается, был Г. В. Романов.

Но все правильные слова, закрепленные в законах или сказанные официальными лицами, могут остаться только словами, если они не найдут отклика в обществе. А общество не молчит: сигнализирует

органам власти об ошибках, закравшихся в тексты мемориальных досок [31]; приводит в порядок и обновляет на них надписи [29]; проявляет инициативу в деле замены старых нечитаемых досок на новые знаки памяти [32]. Обитатели Интернет-пространства ведут реестры мемориальных досок, посвященных, в том числе, и Великой Отечественной войне, указывая нынешнее состояние мемориальных знаков.

К числу форм общественной активности в сфере коммеморации можно отнести и самодеятельную установку мемориальных досок взамен утраченных. Летом 2013 г. градозащитниками Петербурга была установлена временная мемориальная доска, посвященная М. Ю. Лермонтову, на фасаде дома 61 по ул. Садовой, где поэт жил в 1836–1837 гг., где им было написано знаменитое стихотворение “На смерть поэта”. Такой акцией сторонники охраны культурно-исторического наследия решили напомнить об утраченной несколько лет назад под предлогом аварийности фасада памятной доске (открытой в 1962 г.), привлечь общественное внимание к проблеме сохранения “мест памяти”.

Активно вторгаются в сферу коммеморации информационные технологии. Аннотационные доски стали снабжаться QR-кодами (от англ. quick response – “быстрый отклик”), с помощью которых можно быстро “считать” информацию об истории зданий и связанных с ним событиях смартфоном или планшетом. В Москве запущена программа культурного просвещения “Культурные коды Москвы”, в рамках которой предполагается размещение таких аннотационных досок на 8 000 архитектурных памятниках российской столицы. В подобные проекты вовлечены также Барнаул (программа “Гид по истории Барнаула”), Тюмень и другие города.

Выводы. Как видим, отмеченный подход способствует привлечению большего количества людей к освоению ими социокультурного пространства города, реализации коммеморативной и информационно-коммуникативной функций мемориальных досок как знаков памяти.

Литература

1. Аникин Д. А. Стратегии трансформации политики памяти в современной России : региональный аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 7. Философия. – 2012. – № 3 (18). – С. 121–126.
2. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
3. Беседина Е. А., Буркова Т. В. Мемориальные доски как культурно-исторический феномен // Культурология в контексте гуманитарного знания : сб. статей : в 3-х ч. – Ч. 1 / под ред. Г. А. Салтык. – Курск : Курск. гос. ун-т, 2013. – С. 62–71.
4. Беседина Е. А., Буркова Т. В. “В этом здании жил и работал...” : мемориальные доски как образ исторической памяти // Искусство и зритель : сб. статей / отв. ред. А. А. Дмитриева, А. С. Ярмош. – СПб., 2013. – С. 45–67.

5. Быкова Е. В. Многоканальность модульного мемориального текста // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2011. – № 130. – С. 96–101.
6. Быкова Е. В. Модульный текст в массовой коммуникации : закономерности речевой организации : автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2012. – 39 с.
7. Быкова Е. В. Фреймовый подход к интерпретации смысла модульных текстов в массовой коммуникации // Известия Финансово-экономического университета. 2011. – № 5. – С. 37–41.
8. Дахин, А. В. Место памяти // Гуманитарная география: научный и культурно-просветительский альманах. – Вып. 4 / под ред. Д. Н. Замятина. – М. : Ин-т наследия, 2006. – С. 320–322.
9. Дахин А. В. Город как место коллективного памятования // Вестник ВВАГС. – 2008. – № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://ranhigs-nn.ru/nauka/?page_id=3013 (дата обращения 13.11.13.)
10. Дахин А. В. Общественное развитие и вызовы коллективной памяти : перспектива философской концептуализации memorgystudies // Вопросы философии. – 2010. – № 8. – С. 52–55.
11. Дубин Б. В. Россия нулевых : политическая культура – историческая память – повседневная жизнь. – М. : РОССПЭН, 2011. – 391 с.
12. Зерубавель Я. Динамика коллективной памяти // Империя и нация в зеркале исторической памяти : сб. статей / ред. Герасимов И., Могильнер М., Семенов А. – М. : Новое изд-во, 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://lib.rus.ec/b/429779>
13. Иваненко А. С. Новые прогулки по Тюмени : путеводитель. – Тюмень: Радуга-Т, 2008. – 336 с.
14. Йейтс Ф. Искусство памяти. – СПб. : Университетская книга, 1997. – 480 с.
15. Куриллы И. И. Историческая память и публичная коммеморация // Память и памятники: материалы семинара, проведенного Волгогр. гос. Ун-том и Ин-том Кеннана Междунар. науч. центра им. Вудро Вильсона 21 апреля 2011 г. / Вологогр. гос. ун-т, Ин-т Кеннана Междунар. науч. центра им. Вудро Вильсона ; под ред. д-ра ист. наук И. И. Куриллы ; предисл. И. И. Куриллы. – Вологоград : Изд-во ВолГУ, 2012. – С. 4–12.
16. Лотман Ю. М. Память культуры // В кн.: Лотман, Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство, 2010. – С. 614–621.
17. Нора П. Проблематика мест памяти. Франция – память. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1999. 328 с.
18. Оболонкова М. А. Эпизод истории Великой войны как элемент исторической памяти европейцев: Рождественское перемирие 1914 года // Вестник Пермского университета. – Серия “История”. – 2010. – № 1(13). – С. 8–14.
19. Репина Л. П. Образы прошлого в памяти и в истории // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. – М., 2003. – С. 9–18.
20. Репина, Л. П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. – 2004. – № 5. – С. 39–51.
21. Репина Л. П. “Новая историческая наука” и социальная история. – 2-е изд. – М. : ЛКИ, 2009. – 320 с.

22. Рикёр П. Память, история, забвение / пер. с фр. И. И. Блауберг и др. – М. : Изд-во гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.
23. Святославский А. В. 1. Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры : автореф. дисс. ... д-ра культурологии. – М., 2011. – 53 с.
24. Святославский А. В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. – М. : Древлехранилище, 2013. – 592 с.
25. Тыркова, А. В. Анна Павловна Философова и ее время : сб. памяти Анны Павловны Философовой. – Т. 1. – Пг, 1915. – 487 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.a-z.ru/women/texts/tirkt.htm>
26. Успенский Б. А. Ego Loquens : язык и коммуникативное пространство. – М., 2007. – 320 с.
27. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. – М. : Новое изд-во, 2007. – 348 с.
28. Хаттон П. История как искусство памяти. – СПб. : Владимир Даль, 2003. – 424 с.
29. В Ленинском районе начались мероприятия, посвященные празднованию 66-й годовщины победы в Великой Отечественной войне // [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.permonline.ru/index.cfm?page=1151&newc=25757>
30. В Севастополе открыта мемориальная доска посвященная “подземным” школам // Гостям Севастополя: Информационный портал // [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://gostyam.sebastopol.ua/news/12/10/271012003.shtml>
31. Во Владивостоке увековечат имена героев // Ежедневные новости Владивостока [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://novostivl.ru/msg/10254.htm>
32. Дань памяти // Горняцкая смена. Газета Московского государственного горного университета. – 2012. – Апрель. – № 4.
33. Уроки истории. XX век [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.urokiistorii.ru/>
34. Памятники Тюмени // Центральная городская библиотечная система [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.citylib-tyumen.ru/tyumen/pamyatniki-tyumeni?view=categories&id=54>
35. Simpson David. 9/11/ The Culture of Commemoration. – Chicago&London : The University of Chicago Press, 2006. – 176 p.
Отримано 31.05.2014

Анотація

Бессідина Олена, Буркова Тетяна. Реалізація комеморативної й інформаційно-комунікативної функцій меморіальних дошок на початку ХХІ століття.

На основі вивчення феномену меморіальних дошок як знаків історичної пам'яті автори показують основні тенденції їх розвитку на рубежі ХХ–ХХІ століть, аналізують головні напрямки політики держави і її суб'єктів, а також прояви громадської ініціативи в справі меморіалізації історичного минулого.

Ключові слова: комеморація, комунікація, меморіальні дошки, історико-меморіальна (комеморативна) функція меморіальних дошок, інформаційно-комунікативна функція меморіальних дошок, комеморативна політика Російської уряду, громадські ініціативи.

Summary

Besedina Elena, Burkova Tatyana. Fulfillment of commemorative and informational communicative functions of memorial plaques in the beginning of the 21st century.

The article is devoted to the historical memorial (commemorative) and informational communicative functions of memorial plaques as symbols of historical memory. Having studied this phenomenon in major Russian cities (Moscow, St. Petersburg, Tyumen, Barnaul, Tver and others), the authors describe the main tendencies of realization and development of the current commemorative practice at the turn of the 21st century, analyze the main aspects of the governmental policy in this sphere and also reveal how the public initiative to preserve historical past is manifested.

Keywords: *commemoration, communication, memorial plaques, historical memorial (commemorative) function of memorial plaques, informational communicative function of memorial plaques, commemorative policy of the Russian government, public initiatives.*

УДК 81'34

Тетяна БЕЦЕНКО

ЗАКОНИ ЗВУКОВОЇ АРХІТЕКТОНІКИ ХУДОЖНЬОГО ТЕКСТУ

Стаття присвячена з'ясуванню специфіки звукової природи віршового тексту. Подано спроби розглянути закономірності його фоностилестичної організації. Сформульовано основні закони фонічної архітектоніки тексту, докладно проаналізовано їх комплексну взаємодію.

Ключові слова: *поетичний (віршовий, текст), мова поетичного твору, фоностилестична організація тексту, звуковий закон віршового текстотворення, звуковий рівень тексту.*

Постановка проблеми. Образне мовотворення, реалізоване в художньому тексті, відзначається особливою природою. Оригінальність художнього мовотворення залишається однією з нерозгаданих до кінця царин інтелектуальної діяльності людини. У зв'язку з цим постає потреба описати загальні закономірності мовно-художнього текстотворення на всіх рівнях.

Аналіз актуальних досліджень. Дослідженню мови художньої творчості присвячено нечисленну кількість розвідок. Проте означена царина інтелектуально-образної лінгводіяльності людини так і залишається